

Превращенные
формы

О необходимости
иррациональных выражений

Опыт таких теоретических построений в истории науки, как анализ К. Марксом явлений экономического фетишизма и идеологии, фрейдовский психоанализ, юнговская концепция «архетипов», современные исследования мифологий и символизма и т. п., показывает, что для ряда проявлений достаточно сложных эмпирических систем оказывается необходимым допущение обобщенной каузальности особого рода детерминизма — *превращенности действия* (или «превращенной формы» — *verwandelte Form*). Ее следовало бы выявить в обобщенном виде не только в смысле независимости от исходного эмпирического материала абстракции и расширения на любые явления данного типа, но и в смысле обобщения самих оснований и сферы приложения причинного описания по сравнению с классическим. Фактически речь идет о конструировании специального (отдифференцированного от других) оператора в концептуальном аппарате гуманитарных наук, обозначающего особую онтологическую реальность — превращенные объекты, или «превращенные формы», — и вводящего эти объекты в число объектов всякой теории, относящейся к человеческой реальности (исторической, социальной, психологической). Свойства таких областей теории фундаментально неклассичны.

1. ЧТО ТАКОЕ ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА

Сам термин «превращенная форма» (*verwandelte Form*) был в свое время введен еще Марксом в научный и философский оборот. Он прилагался к некото-

рым характеристикам строения и способа функционирования сложных систем связей (или того, что Маркс называл «органическими» или «диалектически-расчлененными целостностями») и позволял исследовать видимые зависимости и парадоксальные эффекты, выступающие на поверхности целого в качестве того, что тем не менее является «...формой его действительности или, точнее, формой его действительного существования» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 507).

Подобная форма существования есть продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Эти последние, являясь продуктом и отложением превращенности действия связей системы, в то же время самостоятельно бытийствуют в ней в виде отдельного, качественно цельного явления, «предмета» наряду с другими. В этой «бытийственности» и состоит проблема превращенной формы, которая видимым (и практически достоверным) образом представляется конечной точкой отсчета при анализе свойств функционирования системы в целом, представляется как особое, неразлагаемое далее образование, как «субстанция» наблюдаемых свойств. Такова, например, капитализированная стоимость в системе буржуазной экономики, обнаруживающая «способность» к самовозрастанию. Это — типичный случай иррациональной превращенной формы, когда вещь наделяется свойствами общественных отношений и эти свойства выступают вне связи с человеческой деятельностью, то есть вполне натуралистически. Если подобная объективная видимость разрешается в системе связей, восстанавливаемых и прослеживаемых методом восхождения от абстрактного к конкретному, то мы имеем дело с содержательным исследованием превращенной формы, выводящим их как необходимую форму «...проявления существенных отношений» (Там же. Т. 23. С. 547) в условиях, когда последние накладываются одно

на другое и подвергаются искажению. Но самодостаточный, исчерпывающий себя характер такого «проявления» должен быть сохранен анализом (со всей парадоксальностью его бытийных эффектов), что предполагает расширение объективного описания существенных отношений за счет учета в них той области, где соизмеримы действие наблюдения и действие содержания наблюдения (соизмеримы как части единого действия системы, включающей в себя наблюдателя-субъекта). Тогда превращенные продукты действия могут быть поняты с необходимостью, а само действие — описано полно. Особенность превращенной формы, отличающая ее от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устраненности здесь содержательных определений: форма проявления получает самостоятельное «сущностное» значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случае символизма) и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем — именно своей обособленностью и бытийностью — роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы. При этом связи действительного происхождения оказываются «снятыми» в ней (как динамические закономерности — в статистических, связи формирования образов сознания — в закономерностях узнавания предметов, угадывания смысла и т. д.). Прямое отображение содержания в форме здесь исключается.

2. НЕОБХОДИМОСТЬ ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ

Спецификой превращенной формы является действительно (а не в сознании наблюдателя) существующее

извращение содержания или такая его переработка, что оно становится неузнаваемым прямо. Но сама эта косвенная фигурация, не являясь просто частью субъективного мира, от которой объективный анализ мог бы отвлечься и которой он мог бы пренебречь в изображении «действительного положения дела», выступает, напротив, как вполне самостоятельный, отделенный в пространстве и времени предмет, «сущность», объективная роль которой как раз на этом преобразении и извращении действительного основана и которая именно его делает неразложимым, индивидуально-цельным элементом самой же системы. Субъект видит его как внеположенную данность бытия. И исследователь обязан оперировать как фактами, как данностями (*evidences*), как «действительным положением дела» тем, что видит или в принципе может видеть этот субъект. Аргументы, касающиеся того, что стоит за этим видимым с точки зрения исследователя, не имеют здесь значения, поскольку они не являются описанием фактов. В этом смысле превращенная форма видения действия системы изнутри ее самой есть *объективированная* ориентация сцепления в ней атомарных сознательных актов, есть *реально* полагаемый вовне субъектов объект, определяемый отношениями системы как целого и из них черпающий свою жизнь, а не из акта понимающего индивида. Наоборот, для последнего самым этим объектом (который как бы надстраивается над системой) индуцируется поле понимания и возможного движения мысли, создается замкнутое горизонтом пространство, которое в принципе может пробегать взгляд субъекта, а с другой стороны, этим же объектом отбрасывается своего рода «тень» на различные области системы — индуцируется зона принципиального непонимания, «мертвое пространство», непроницаемое для луча сознания. Превращенные объекты обладают особым рода существованием, несводимым к субъективным фикциям и иллюзиям сознания. Но они существуют не в том же смысле, в каком существуют так называемые «истин-

ные» объекты науки; речь идет скорее о существовании, подобном существованию условных и неизбежных фикций и символов типа $\sqrt{-1}$, мнимых и иррациональных чисел в математике и т. п. Но, в отличие от конструктивного и условно-сознательного пути возникновения этих последних в науке, превращенные формы существования возникают независимо от сознательных намерений и идеальных мотивов действующего субъекта; они объективно (и с необходимостью) индуцируются переплетением и возмущающим наложением друг на друга различных связей системы в тех ее областях, где операции, задающие субъект наблюдения, соизмеримы с действием предмета наблюдения. На уровне превращенной формы завязываются уже новые отношения, конечным пунктом отсылки которых являются она сама и ее неделимо-цельные явления.

Они-то и порождают парадоксы в интерпретации наблюдений, несовместимость видения системы «изнутри» и видения системы «извне», видимые эффекты и кажущиеся зависимости системы. При разрешении последних в системе нельзя просто отбросить точку зрения субъекта как ложную. Кроме значений истинности или ложности, вводится еще значение «превращенности» (указанные косвенные выражения не являются просто ложными, хотя и абсурдны, как абсурден «жареный логарифм»). Термин «превращенность» — термин в языке исследователя, а не в предметном языке самой системы, включающей в себя наблюдателя, но он позволяет принять образования этого языка в теорию, дополняя их феноменальность содержательными выкладками в составе единого, полного и непротиворечивого описания. С учетом такой двойной связи и допуская несводимость значения «превращенности» к альтернативным значениям истинности или ложности, можно построить способ содержательного сведения превращенных образований и их выведения из реконструируемых истинных состояний и событий системы, способ, позволяющий устано-

вить естественную жизнь превращенных объектов или, что то же самое, восстановить объективность описания системы (преодолевая не только так называемое феноменологическое препятствие, обязывающее нас считаться с внутренним переживанием системы, но и формализм структуралистского подхода).

3. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕРАЗЛОЖИМОСТЬ И «НАТУРАЛЬНОСТЬ» МНИМЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Взаимодействие в сложных системах создает, таким образом, качественно новые явления, дополнительные «формы жизни» предмета. Хотя действительная жизнь таких форм определяется этим взаимодействием, они, становясь особым элементом системы, представляются готовыми предпосылками, исходными причинами всего движения целого. Например, в экономической системе денежная форма является превращенной товарной: в превращенном виде самовозрастание денежной суммы оказывается внутренне идеальной формой и побудительным мотивом всего движения. Но превращенная форма не обязательно должна быть иррациональной: в такой объективной видимости (кажимости), как движение Солнца и планет вокруг Земли, нет никакой иррациональности, как нет ее и в функционировании знаковых культурных систем — превращенной форме содержательной работы сознания. Иррациональность вкрадывается в превращенное выражение лишь при определенных условиях (например, при самоотчуждении человека в его деятельности, отрыве ее общественного богатства и форм от личного содержания труда). На примере видимого движения Солнца хорошо иллюстрируется отличие классической категории «явление» от «явления» в смысле превращенной формы. Для астрономической науки это движение есть явление в гносеологическом смысле: оно берется лишь как материал

наблюдения, из которого заключают о законах действительного движения, а затем объясняют и сам видимый эффект. Превращенной формой это движение является лишь в системе общественно-практической жизни, превратившей небо в свой «орган» (практического измерения, ориентации в пространстве и времени и т. д.). Форма проявления видимого движения — как «очеловеченный элемент» природы, овеществленное представление, ставшее знаком социальных, жизненных значений, — функционирует здесь нерасчлененно и независимо от сочетания приведших к ней связей. Она служит исходным регулирующим, «программирующим» моментом в целом комплексе человеческих реакций, которые срабатывают помимо любого знания того факта, что это Земля движется вокруг Солнца, а не наоборот.

В такой своей обособленности и самостоятельности эти формы суть совершенно невозможные вещи, абсурды, жареные логарифмы, но они — часть реальности. И принимаются реально — независимо от своей абсурдности в качестве конечных и далее неразложимых посылок. Люди среди них — как рыбы в воде, они — привычный, само собой разумеющийся (и незаметный — как не видят воздуха и не ощущают его давления) эфир жизни, пронизанный вполне рациональными построениями, переработками и связками, и никому нет никакого дела до опосредующей роли этих исходных форм и посылок, никому не нужно восстанавливать их в качестве таковых (т. е. в качестве форм, свидетельствующих о чем-то *другом* и это другое опосредующих, обозначающих). Наоборот, начиная с иррационального выражения как пункта, за которым полностью вытеснено, «утоплено» то, что им обозначается рационально, существует и проявляется совершенно четкая тенденция к «образованию систем» (*Systemenbildung*, в смысле Фрейда) — вполне связанных, последовательных и логичных. Такой вторичной рациональной системой оказывается, например, функционирование товарного производства, хотя оно и содержит

в себе глубоко фетишистские послышки. Такой системой является и психоневроз как внутренне связанная и осмысленная форма поведения — он вполне логичен и последователен, если принять его онтологические послышки. В систематической связи развертывается и движется заколдованный и замороженный, на голову поставленный мир, обильно населенный чудесами и привидениями, которые при этом вступают в жесткие и логичные связи, стоит только принять в качестве естественной отправную точку этого мира. Все в нем принимает отличную от реального бытия фантастическую форму, но она отделена, ведет самостоятельную жизнь и вступает в самостоятельные связи, не имеющие сами по себе ничего алогичного. Так, тенденция к системам тклет мистическое покрывало всего общественного процесса жизни. Но, повторяем, «мистика» — это термин в метаязыке, а не в языке-объекте.

В подобных случаях под превращенной формой следует понимать не просто видимость, даже самую объективную, которая, казалось бы, доступна просто непосредственному, наивному взгляду, а внутреннюю форму видимости, ее устойчивое и воспроизводящееся ядро, выявление которого на феноменологическом уровне само по себе может быть результатом весьма сложного анализа. Скажем, фиксирование рыночной цены товара может привести к построению оптимальной математической модели этого регулятора стихийных экономических процессов, модели, недостижимой чисто эмпирическим описанием и в то же время не обнаруживающей превращенного характера этой формы цены, не разлагающей ее «естественность», «натуральность» и не расчленяющей ее с точки зрения содержательных внутренних связей, т. е. вообще не выходящей за пределы видимых отношений. Эта особенность превращенной формы позволяет получать практически пригодные знания и эффективно моделировать многие стороны предмета до построения целостной содержательной теории этого предмета.

4. ОБЩАЯ СТРУКТУРА ПРЕВРАЩЕННОЙ ФОРМЫ КАК ФУНКЦИИ ВОСПОЛНЕНИЯ И ЗАМЕЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ В СИСТЕМЕ

Таким образом, в превращенной форме важна, во-первых, превращенность в ней каких-то других отношений, во-вторых, то, что она при этом есть качественно новое, вполне дискретное явление, в котором посредствующие промежуточные звенья «сжались» в особый функциональный орган, обладающий уже своей квазисубстанциональностью (и соответственно, новой последовательностью акциденций, часто обратной действительной). Превращенные формы являются восполняющими и замещающими формами, и в этом смысле система связей может быть представлена как система уровней преобразования и замещения. Структуру превращений, а тем самым и структуру того квазипредмета, каким является превращенная форма, можно представить в виде следующей последовательности: исключение отношений из связей — восполнение его иной предметностью и свойствами — синкретическое замещение предшествующего уровня системы этим формообразованием. Иными словами, превращенные формы регулируют систему путем восполнения отсеченных ее звеньев и опосредований, замещая их новым отношением, которое и обеспечивает «жизнь» системы. Исходное (реальное) отношение здесь не может осуществляться в своем действительном виде в силу изъятости из определенной системы связей или их стертости (в результате, например, того, что Фрейд называл «переопределенностью» предмета, находящегося в слишком большом количестве связей, возмущающих вследствие этого проявления каждую из них в предмете). Его посредствующие звенья и зависимости замазаны действием других связей, которые выталкивают его как нечто оголенное (до его восполнения), самодовлеющее, как предмет-фантом. Это покоится на реальном моменте: некоторые характеристики предмета,

порождаемые его происхождением и опосредованиями, могут не иметь значения для определенных аспектов его функционирования. Так, действие капитализированной стоимости выступает вне отношения к труду под влиянием времени обращения капиталов и их взаимодействия, стирающих органическое строение капитала, то есть внутренне различное отношение его частей к труду как общественному отношению. Это — реальное существование предмета вне его исходной связи.

При конкретной интерпретации абстрактной структуры превращенной формы подобное опускание связей может выступать, например, как отсутствие этих связей и соответствующих им механизмов в сознании, через которое они проходят и в котором они работают, но не фиксируются. Отсюда применимость понятия превращенной формы к явлениям бессознательного — например, в психике к так называемому вытеснению, к бессознательным языковым явлениям, к личностным структурам и т. п. Возможна интерпретация этого выключения как неразвитости связей и строения какого-либо органа биологической системы, призванного тем не менее выполнять ту же функцию в системе, что и развитый.

В пунктах опускания действительных связей предмет начинает пробегать самостоятельный цикл движения, будучи определенным образом восполнен квазисубстанциональными определениями. Последние «представляют» в системе вместо опущенных звеньев, но превращенным, видимым образом. Исследования З. Фрейда, например, ясно показали, в какой значительной мере выпадающие связи оказываются способными к символической переработке (очень похожей — по характеру использования вещественного материала — на «бриколаж» Леви-Стросса, по логике которого описывается работа мифа). На место предмета как системы связей становится квазипредмет, где проявление действия этих связей привязано к какой-либо субстанции, конечной и нерасчлняемой, и который, следовательно, восполняет

их в системе в зависимости от «свойств» такой субстанции. Или, скажем иначе, — он выполняет в ее материале (см. проблему феноменологического «выполнения» у Гуссерля) отсутствующие, выпавшие (и ненаблюдаемые) связи и тем самым заполняет «дыры» целого, восполняя его до системной полноты и связности. Это — мнимости, или квазиобъекты, существующие вполне объективно, дискретно и самостоятельно. Мнимыми предметами являются, например, труд и капитал, имеющие цену; материальные знаки различных видов языков, несущие в себе непосредственное значение объектов; образы сновидений и галлюцинаций, объективированные невротические представления и т. п. В этих предметах нет и на деле не может быть непосредственной связи между стоимостью и трудом, между знаком и объектом и т. д. Но именно из этого прямого замыкания связи на некоторого «носителя» и развивается новое, восполненное (или восполняющее) отношение, которое дает структуру и последовательность объективной видимости и которое обозначает или косвенно реализует процесс, не простирающийся прямо в этом явлении (ср. с упомянутым выше символизмом). Упорядоченность и последовательность элементов восполненного отношения отличаются от действительной или может быть обратной ей, как, скажем, упорядоченность и последовательность материальных элементов какого-либо кода не есть прямое выражение упорядоченности и последовательности реальных отношений, приводимых им в действие. Она скорее заполняется из свойств действия возникшего квазипредмета. Здесь развивается специфическая структура связей выражения, отличных по типу от содержательных связей. Таково исследованное Марксом выражение процесса производства прибыли в таких образованиях, как «процент», «предпринимательский доход», «цена издержек производства» и т. п. В структуре связей выражения каузальные последовательности задаются целиком свойствами квазипредмета (в данном слу-

чае — «цены капитала»), из материала которых заполняются «пустоты» наблюдаемой изнутри (и выражаемой) системы: дело представляется таким образом, что новое образование — процент — предшествует реально произведенной промышленной прибыли, что на долю промышленного капиталиста приходится «предпринимательская зарплата» из некоторой самовозрастающей стоимости, что не произведенная стоимость распределяется затем на различные части, а что, наоборот, они ее конституируют, и т. д. То же явление восполненного (и тем самым переработанного, «перераспределенного») целого имеет место и при ритуальном выполнении содержательного действия у примитивных народов, а также в явлениях символики социального и символики бессознательного в психике (сновидения, психоневрозы и т. п.).

Вопрос о мнимых образованиях в превращенной форме шире проблемы возможной мистификации (она — лишь частный случай, важный, например, при анализе социальной роли религии). В искусственных технических системах дело обходится без возникновения какой-либо мистики. Особая структура и последовательность псевдосубстанциональных элементов, посредством которой на деле реализуются другие отношения, может быть вообще в пространственно отделенном от этих последних виде реально воплощена в технических устройствах, давая, например, то, что можно было бы назвать псевдомышлением кибернетических и электронно-вычислительных машин (в которых при опускании человеческого сознания получают тем не менее результаты именно его функционирования).

Операция восполнения, осуществляемая в системе квазипредметом, может быть и материальным действием естественной системы, и искусственным конструктивным элементом в технической системе, и актом сознания как непосредственного языка реальной жизни, и актом идеологическим. Например, применяя те или иные лингвистические формы, люди не думают при этом об их

строении и законах, а думают о высказываемом содержании, об объектах. Снятость этих законов в сознании компенсируется особой «вставкой», произвольной конструкцией — отождествлением знака и предмета, которое позволяет перевести целые слои языковой деятельности в область лингвистического автоматизма.

Превращенный, восполненный внешний облик отношений не только отделяется от того действительного движения, формой которого он является, но и становится его готовой исходной предпосылкой, независимым условием. Это — феноменологичное замещение, выполняемое превращенной формой. Синкретизм превращенной формы позволяет системе действовать без учета или реального проявления всех ее связей, суммарно. Весь процесс на этом уровне выступает как реализация свойств превращенной формы, замещающих своим действием другие уровни системы. Когда, например, знаковая культурная система замещает определенные моменты содержательной работы сознания, она превращенно выступает как конечная причина всего движения сознания, лишь проявляющая себя в нем. На наблюдении этого обстоятельства основывалась, например, гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа, предполагающая, что структура того или иного языка определяет направление, в котором мышление расчленяет действительность. По отношению к мышлению, к идеологическим явлениям понятие замещения, осуществляемого превращенной формой, описывает те образования, которые не требуют для своего действия теоретического осознания и расчленения всех их элементов на уровне понятия или даже исключают такое осознание. В частности, чтобы следовать внутренним экономическим законам того способа производства, при котором живет и действует человек, ему вовсе не нужно знать это внутреннее, скрытое — достаточно, чтобы в сознании была дана превращенная форма этих законов, которая и играет регулирующую

роль, косвенно поддерживая и выполняя действительные закономерности системы. Как показывал Маркс, люди «поставлены в такие условия, которые определяют их сознание без того (то есть в данном случае без того, чем определяется реально стоимость производимых ими продуктов. — М. М.), чтобы они обязательно это знали» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 166).

Эта же особенность превращенной формы наблюдается и внутри научно-теоретического освоения действительности, когда функционирование готового мыслительного содержания предполагает отождествление неосознаваемой абстракции с объектом, то есть нерасчлененность объекта и способа деятельности, объекта и знания. Здесь оно оказывается источником антиномий теоретического мышления. В этом смысле деятельность теоретического сознания как отдающая себе отчет в смысле и происхождении своих абстракций и понятий, в границах и сферах их применения есть постоянно возобновляющееся «распредмечивание» превращенных форм, снятие отождествления объекта и знания и т. д.

Действие синкретического механизма превращенной формы основывается на том, что отношение уровней системы оборачивается: продукты процесса выступают как его условия, встраиваются в его начало в виде предваряющих «моделей», «программ». Поскольку никакое воспроизводство отношений сложной и многократно расчлененной системы связей не является сознательным, содержащим «образ» всех связей системы в каждой ее точке, то система должна полагать свои продукты и результаты в качестве предваряющих «моделей» и «программ» деятельности производства, дающего эти продукты. Эти модели представляют от лица множества точек, сокращая их в себе, в своем синкретизме. Изоморфизм приобретает характер циклической связи, кругового движения: на уровне превращенной формы продукты системы определяются, по сути дела,

тавтологически, ими же самими. Превращенные формы обеспечивают стабильность системы и противодействуют ее изменению. Внутренние же связи дают о себе знать насильственно (например, в экономических кризисах, в психических заболеваниях и вообще в условиях, когда не срабатывает, разрушается какая-либо из генетически разнородных, но наслоившихся друг на друга и одновременно существующих структур функционирования), а также в процессах развития, которые прежде всего и разрушают превращенные формы.

5. ПРИЛОЖЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕВРАЩЕННОЙ ФОРМЫ

Понятие «превращенной формы» дает ключ к анализу сознания на различных его уровнях. Применяя это понятие, Маркс сумел поставить явления общественного (и индивидуального) сознания в систему социальной деятельности. Это понятие позволяет вывести духовные, идеологические образования из их материально-социальной основы (а не сводить их к ней, ложно предполагая зеркальное отображение общественных структур в идеологических, культурных и т. п.), выявить постоянно меняющееся отношение между автоматическим и сознательным в общественном поведении и действии, проникнуть в особенности функционирования личностных структур, складывающихся из ассимиляции индивидом общественных культурных систем, и т. д. Понятие превращенной формы плодотворно в исследовании явлений общественного фетишизма, первобытного антропоморфизма, в анализе знаковых культурных систем, в том числе при выявлении условий отчуждения в культуре и т. п. В применении к идеологическим отношениям Маркс интерпретировал превращенную форму как ложное сознание, то есть не как субъективное индивидуальное заблуждение, а как об-

щественно необходимую видимость отношений, воспроизводящуюся в представлениях их агентов. Именно превращенные формы действительных отношений являются содержанием мотивов, побуждений к действию непосредственных агентов общественных отношений.

Маркс пользовался понятием превращенной формы и для характеристики научного познания. Задачей науки, по Марксу, является раскрытие внутренних связей, а исследования, ограничивающиеся натуралистическим воспроизведением превращенных форм проявления, он относил к вульгарному типу науки. Но этим же, с другой стороны, ставится задача объединения содержательных и феноменологических исследований, задача тем более актуальная, что в современной буржуазной философии (в феноменологии, в экзистенциализме и т. д.) развиваются различные «теории феномена», которые «заменяют реальность вещи объективностью явлений» (Сартр) и тем самым подводят гносеологическое и онтологическое обоснование как раз под процедуры вульгарной науки. Без понятия превращенной формы переход от содержательности к феноменальности (и наоборот) и их объединение в некотором единстве науки невозможны. В системе науки, состоящей в принципе из различных методов и различных по типу теоретических построений, должна существовать и реализовываться также и качественная теория Марксова типа (с соответствующим ей содержательно-предметным методом анализа). Она — посредствующее звено как к формально-математическим, так и к феноменалистическим типам теории (т. е., например, к теориям, принимающим продукт феноменологического замещения за конечную реальность, за элементарный и конечный факт, и соответственно, не пользующимся понятиями «превращенности», «замещения», «восполнения» и т. п. в своих построениях и описаниях, которыми — и только которыми — выполняются тем не менее определенные задачи).

В социально-исторических исследованиях понятие превращенной формы позволяет выявлять социально-исторические закономерности в максимально приближенном к действительности виде. Если с точки зрения научного знания превращенная форма является воспроизведением предмета в виде представления о нем, то в исторической действительности такое «представление» является реальной силой, частью самого исторического движения. Очагом и реальной движущей силой истории, т.е. «объективным событием», «фактом» (а не представлением, отличным от факта) истории является интерпретированное бытие, в применении к которому нельзя отдельно выделить анализом «интерпретацию» бытия его субъектами (ложную или же более или менее приближающуюся к действительности) и «истинное бытие», которое складывалось и действовало бы помимо своей интерпретированности.

6. КОНТИНУУМ «БЫТИЕ — СОЗНАНИЕ» И ЕГО НЕКЛАССИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ¹

Вообще этот случай, как и многие другие в гуманитарных науках, показывает, что приходится оперировать понятием единого континуума бытия — сознания и рассматривать «бытие» и «сознание» лишь в качестве различных его моментов, имея в виду области, где теряют смысл классические различения объекта и субъекта, реальности и способа представления, действительного и воображаемого и т.д. Но здесь как раз и появляются (и сохраняются в теории, претендующей на

---

¹ «Неклассические» — в том же самом смысле, в каком в современной физике говорится о различии между классическими и неклассическими физическими объектами. Аналогично ситуации, как она установилась на сегодняшний день в физике, в философии (прежде всего — в онтологии) также можно различать классическую и современную, неклассическую философию.

объективность метода описания) превращенные объекты (иррациональные выражения, «желтые логарифмы») как знаки, «свидетельства» неустранимого различия между бытием и сознанием, как символы того, что при всей слитости в некотором общем континууме бытие и сознание не могут быть отождествлены. Наличие оператора «превращенность» в концептуальном аппарате теории указывает именно на это.

Понятие и проблема превращенной формы являются фундаментальным элементом развития современной логики и методологии гуманитарных наук, наиболее радикально ставящим задачу пересмотра и ограничения всего классического философского поля мысленных операций и идентификаций (так называемого декартово-кантовского мыслительного пространства), которые обычно практикуются наукой применительно к объектам человеческой реальности. Если более глубоко и до конца продумать и развернуть философские последствия проблемы превращенной формы, то окажется, что учитывающий ее способ обращения с фактами этой реальности предполагает иные метафизические допущения и постулаты, чем те, которые допускались классикой и полагались ею в качестве всеобщих и универсальных. Наоборот, последние могут быть частным, специальным случаем. Это касается прежде всего пересмотра формулировки таких абстракций, как абстракции упорядоченности бытия или его хаотичности, прерывности и непрерывности, однородности и неоднородности, понятий истины и заблуждения, отношения «описания извне» объектов человеческой реальности и их «описания изнутри» и т. д. Речь в принципе должна пойти о построении онтологического пространства мысли, отличного от так называемого Декартова пространства и могущего тем самым послужить логическим отработкам или, если угодно, изобретениям расширенных форм рациональной мысли и объективного знания и описания.